

Едва эти слова слетели с губ Хоу Гуанцзуна, как весь зал взорвался.

Студенты в шоке переглядывались, и многие задавались вопросом, не ослышались ли они.

Папа Хоу и мама Хоу, которые до этого сидели с гордо выпрямленными спинами, приготовившись внимательно слушать речь сына, тоже совершенно остолбенели. Они переглянулись, и мама Хоу в замешательстве спросила:

— О чем это Гуанцзун говорит?

Старшее поколение не особо разбиралось в интернет-сленге, но слово «мусор» было простым и прямолинейным. Любой мог понять, что это уж точно не комплимент.

Сам Хоу Гуанцзун был ошеломлен не меньше. Этой фразы не было в черновике его речи... но именно так он думал на самом деле. Как он умудрился внезапно выболтать то, что было у него на уме?

Паника захлестнула его с головой, но он заставил себя успокоиться. Он решил, что, должно быть, слишком перевозмущался и оговорился, случайно выдав правду.

К счастью, в этой фразе звучала некая шутливая интернет-интонация, так что ситуацию еще можно было спасти.

К этому моменту всё внимание аудитории было приковано к нему. Если кто-то раньше еще и отвлекался, то после такого оглушительного вступления все невольно втянулись. Каждому хотелось узнать, что же за речь он подготовил, раз решил начать ее подобным образом.

Хоу Гуанцзун выдал из себя натянутую улыбку, снова прочистил горло и произнес:

— Это была всего лишь шутка. На самом деле я хочу сказать, что вы... вы...

Он хотел сказать что-то красиво звучащее, чтобы сгладить углы, но в этот момент почувствовал, как нечто поднялось в его груди, неистово сокрушая всё внутри. Внутренности скрутило так сильно, словно они вот-вот разорвутся, и он не смог выдать из себя ни единой из этих пустых любезностей.

Лицо Хоу Гуанцзуна побледнело, приобретя зеленоватый оттенок, а пот полил с него градом. Он впал в полное замешательство. Неодолимое желание сказать правду поднималось в нем, подобно приливу. Оцепенев, он посмотрел в зал и случайно встретился взглядом со своим отцом. Папа Хоу беззвучно, одними губами, произнес: «Гуанцзун, говори...»

Хоу Гуанцзун кивнул и открыл рот:

— Никто из вас не устроился так же хорошо, как я. Да, все эти четыре года мои оценки были хуже ваших, но сейчас моя работа всё равно лучше вашей, моя девушка красивее ваших, и даже сегодняшнюю речь от лица выпускников читаю я...

Всё это было его истинными, сокровенными мыслями. Обычно он держал их при себе и не смел озвучивать, но теперь, выпалив всё на одном дыхании, сразу почувствовал себя гораздо лучше. Сила, бушевавшая в его внутренностях, тоже поутихла.

Однако зал внизу уже бурлил, как закипающий котел. Студенты подняли шум, с недоверием перешептываясь друг с другом. Даже руководство университета впало в коллективный ступор,

на мгновение забыв раздать дальнейшие указания.

Один вспыльчивый студент не выдержал, вскочил с места и, указав на него пальцем, крикнул:

— Хоу Гуанцзун, что за херню ты несешь? Повтори это еще раз, если кишка не тонка!

Чжу Янь тоже был в шоке и тут же заговорил с сидящими рядом одногруппниками:

— Твою мать, Хоу Гуанцзун совсем берега попутал от самодовольства. Хвастается перед такой толпой народа?

— Похоже, чата группы и постов в соцсетях ему уже мало. Ему нужна сцена побольше!

К этому моменту Хоу Гуанцзун тоже осознал, что именно он только что произнес, и в его сердце зародился ледяной ужас. Он хотел было объясниться, но стоило ему открыть рот, как таинственная сила внутри снова пришла в движение, согнав все краски с его лица. Мука была настолько невыносимой, что ему ничего не оставалось, кроме как рубить правду-матку:

— Вы ведь этого не знаете, да? Муж моей тети — крупный чиновник в городе. У него огромные связи. В такую компанию, как «Ньюстар Технолоджи», я попал по одному его слову. А после этого я еще и в лабораторию Цзяо Шаньланя перейду. Как бы то ни было, пропасть между мной и всеми вами будет только увеличиваться. С этого момента всё, что вам остается — это завидовать мне...

Едва он произнес эти слова, в лице изменился даже Цзяо Шаньлань, который только что спустился с трибуны.

Цзяо Шаньлань развернулся, вернулся на сцену, взял микрофон у ведущего и обратился к Хоу Гуанцзуну:

— Студент, если мне не изменяет память, я никогда не соглашался принимать вас в свою лабораторию, не так ли?

Хоу Гуанцзун мечтал немедленно заткнуться, но стоило ему попытаться уйти от ответа, как боль внутри вспыхнула с новой силой, заставляя его говорить ради облегчения:

— С моим дядей за спиной вы не сможете отказать.

В тот же миг папа Хоу, мама Хоу и тетя, которые и без того уже обильно потели от нервов в зрительном зале, не смогли больше усидеть на месте. Его тетя вскочила на ноги и завопила:

— Гуанцзун, немедленно закрой рот!

Теперь Хоу Гуанцзун даже не смел взглянуть на нее. Будь у него такая возможность, он бы кубарем скатился со сцены и сбежал, но он совершенно не мог себя контролировать.

Он поднял голову, выпятил грудь и с праведным видом заявил:

— Нет, я хочу говорить!

Как только он сказал это, жгучая боль в груди снова утихла, и он не удержался от того, чтобы не крикнуть своей тете:

— Тетя, даже если у дяди большие связи, вам правда не стоит вечно вести себя так властно и

заносчиво. Это изрядно раздражает.

Хоу Гуанцзун произнес это прямо в микрофон, и каждое его слово отчетливо разнеслось по всем уголкам актового зала. На этот раз студенты окончательно потеряли дар речи.

Обычно его тетя вела себя властно, но как жена чиновника она, по крайней мере, обладала элементарным благоразумием. Как минимум... такие щекотливые вопросы, как использование административного ресурса, ни в коем случае нельзя было обсуждать на публике.

Услышав слова Хоу Гуанцзуна, она закатила глаза и едва не упала в обморок. Указав пальцем на сцену, она судорожно выдохнула:

— Ах ты... ты... неблагодарный маленький паршивец!

К счастью, папа и мама Хоу вовремя подхватили ее, иначе она бы рухнула на пол. Мама Хоу отчаянно затопала ногой:

— Гуанцзун, что ты творишь?!

Чжу Янь даже поднял вверх большой палец:

— Блин, а я раньше реально недооценивал этого парня. Суицидальное бахвальство. Респект!

Однотруппник рядом с ним тоже с энтузиазмом встрял:

— Это уж слишком захватывающе!

Цзяо Шаньлань, в конце концов, повидал на своем веку немало бурь. И даже сейчас он сохранял достаточное хладнокровие, чтобы продолжить расспросы:

— Если мне не изменяет память, студентом с вашего факультета, который изначально должен был пойти в «Ньюстар Технолоджи», был Юй Чжэнду. Позже его оффер отозвали, и ты занял его место, верно?

К этому моменту Хоу Гуанцзун перешел в состояние полной покорности. Он знал, что стоит ему лишь попытаться солгать, как таинственная сила тут же начнет пытаться его так, что он пожалеет о том, что жив. Ему ничего не оставалось, кроме как удрученно кивнуть и произнести:

— Да. Я его давно недолюбливаю. Он просто неудачник, который каждый день строит из себя крутого, да еще и куче влюбленных дурочек он нравится. К тому же, хоть мой дядя и проложил мне путь, мне всё равно нужно было предъявить что-то, чтобы заткнуть рты остальным. Поэтому для заявки я использовал проект, который сделал Юй Чжэнду. Естественно, я не мог допустить, чтобы он тоже объявился в «Ньюстар Технолоджи».

Студенты: «.....»

Все присутствующие обернулись к Юй Чжэнду, их взгляды были полны сочувствия и возмущения за него.

Юй Чжэнду тоже: «...»

Вообще-то, он уже давно обо всем знал, но никак не ожидал, что эта бомба взорвется именно таким образом.

Не так давно он уже выудил доказательства из компьютера и телефона Хоу Гуанцзуна. Хоу Гуанцзун так опасался его по одной простой причине. Помимо того, что они никогда не ладили, трамплином, который Хоу Гуанцзун использовал для поступления в «Ньюстар Технолоджи», на самом деле был украденный у Юй Чжэнду университетский проект.

И не только это: он также присвоил себе несколько других проектов Юй Чжэнду, выдавая их за собственный опыт и используя в качестве капитала для того, чтобы попасть в лабораторию Цзяо Шаньлани.

Так что при любом раскладе Хоу Гуанцзун должен был помешать Юй Чжэнду попасть в «Ньюстар Технолоджи». Более того, он не мог допустить, чтобы Юй Чжэнду объявился в любой крупной компании, которая могла бы потенциально сотрудничать с ними.

Заметив прикованные к себе взгляды окружающих, Юй Чжэнду пошевелил губами. В конце концов, он лишь прикрыл рот рукой и опустил голову.

Студенты: ...Бедняга, какая же невыносимая жестокость!!!

Лучший студент факультета узнал такую ужасную правду на собственной церемонии вручения дипломов. Неудивительно, что он не выдержал, закрыл лицо и разрыдался прямо на месте.

Да и кто бы не заплакал в такой ситуации?

На самом же деле Юй Чжэнду внутренне сокрушался: *«Пожалуйста, перестаньте на меня пялиться, а? Я и так из последних сил держусь, чтобы не заржать в голос!!!!»*

В итоге Юй Чжэнду и вправду больше не мог сдерживаться. Он просто прислонился лбом к плечу Шан Цзюэ, уткнулся лицом в изгиб его шеи и тихо спросил:

— Босс, что это за железный шарик такой? Хоу Гуанцзун прекрасно себе сидел, самодовольством лучился, так как же у него вдруг крыша поехала?

Шан Цзюэ изящно улыбнулся и пояснил:

— В былые времена, когда официальных дел в Преисподней было невпроворот, иногда из Мира Людей выбирали определенных чиновников, чтобы они временно выполняли работу Владыки Ада и судей...

Время от времени честных и неподкупных чиновников в Море Людей выбирали на временную должность Владыки Ада. По ночам за ними приезжали экипажи из Преисподней и отвозили их вниз, на работу. Но поскольку существовали опасения, что смертные могут преступить закон ради личной выгоды, перед тем как вершить суд, чиновник должен был проглотить железный шарик. Этот шарик был выкован Небесным Императором для усмирения человеческих сердец. Как только работа заканчивалась, чиновник выплевывал его обратно.

Если человек, проглотивший этот железный шарик, пытался пойти против своей совести или сказать что-то, идущее вразрез с его душой, шарик вспыхивал и наносил удар по внутренним органам, заставляя его судить беспристрастно и говорить только правду.

А та штукавина размером с голубиное яйцо, которую Шан Цзюэ собирался чуть ранее подарить Юй Чжэнду, как раз и была тем самым железным шариком, выкованным Небесным Императором. Теперь этот шарик оказался в желудке у Хоу Гуанцзуна, поэтому он просто физически не мог произнести ничего, что противоречило бы его истинным мыслям. Всё, что он

говорил и делал, могло быть лишь тем, о чем он искренне думал в глубине души.

Юй Чжэнду не удержался и уважительно сложил руки:

— Вы, призраки, и вправду знаете толк в своем деле!

Недаром старая пословица гласит: если совесть чиста, то и стук призрака в дверь посреди ночи не страшен.

На сцене же ситуация тем временем стала совершенно неконтролируемой.

Цзяо Шаньлань окинул его многозначительным взглядом:

— Что ж, у твоего дяди и вправду огромные связи.

Едва тетя Хоу Гуанцзуна услышала это, у нее потемнело в глазах. Дрожа всем телом, она оглянулась. Как и ожидалось, почти каждый студент держал в руках телефон, снимая Хоу Гуанцзуна на видео. В панике она завопила:

— Быстрее, стащите этого неблагодарного ублюдка со сцены, немедленно—

И впрямь, Хоу Гуанцзун, казалось, жаждал продолжить сеанс саморазоблачения, но по указу руководства сотрудники университета уже бросились к нему и начали утаскивать его со сцены.

— Дайте мне договорить, прежде чем я уйду—

Хоу Гуанцзун выглядел так, будто ему жизненно необходимо было ответить на этот вопрос. Вцепившись в трибуну мертвой хваткой и отказываясь ее отпускать, он ухватился за последний шанс продолжить свою речь:

— Мой дядя — городской чиновник, конечно у него огромные связи! По одному его слову даже декану пришлось предоставить мне право выступить от лица выпускников—

Как только он это сказал, все студенты снова издали коллективное: «Уо-о-о-о-о—» И не потому, что были сильно удивлены. У этого декана и без того была весьма дурная репутация. Университеты уже давно перестали быть башнями из слоновой кости, и все более или менее догадывались о темных делишках декана. Но вот так публично выставить всё это напоказ — совершенно другое дело.

Надо признать, студенты в глубине души даже немного обрадовались.

Декан никак не ожидал, что в последний момент приплетут и его. Его глаза тут же закатились, и он бессильно обмяк в кресле.

Студенты были в самом разгаре наслаждения зрелищем. Увидев, как Хоу Гуанцзуна волокут со сцены, они не могли не почувствовать глубокого сожаления и дружно начали скандировать:

— Не уходи!!

— На бис, на бис!! Мы требуем продолжения банкета!

— Хоу Гуанцзун, вернись — мы готовы перекупать билеты втридорога, лишь бы послушать твою речь!

Чжу Янь не удержался и захлопал в ладоши:

— Хоу Гуанцзун, хорошо сказал! Беру назад все свои оскорбления в твой адрес. Настоящий мужик, осмелившийся вот так вывернуть всё свое грязное белье!!!

Испугавшись, что другие студенты могут его неправильно понять, он быстро добавил:

— Леплю смайлик с собачьей мордой, народ, это сарказм!

Подхватив его порыв, остальные студенты тоже начали аплодировать. Весь зрительный зал мгновенно наполнился громовыми овациями.

— Хоу Гуанцзун, хоть ты и идиот, но за это мы снимаем перед тобой шляпу!

— Мы будем помнить тебя вечно!!!!

Студент Хоу Гуанцзун наконец-то заслужил самое высокое и искреннее уважение за все четыре года учебы в университете!

Как говорится, борьба с коррупцией — дело рук родственников!

Студент Хоу Гуанцзун, лично бросившийся на амбразуру и разоблачивший всё любой ценой — молодец!

И на этой ноте церемония вручения дипломов, которой суждено было навсегда войти в историю университета, шумно подошла к концу.

Но для людей, чьи имена Хоу Гуанцзун назвал публично, этот фарс только начинался.

К тому моменту, когда Хоу Гуанцзуна уволокли за кулисы, его волосы уже насквозь пропитались потом.

Штуковина внутри его тела была просто невыносимо жестокой. Малейшая попытка солгать заставляла ее неистовствовать без остановки. Даже сейчас его живот всё еще горел, словно его выжигали бушующим пламенем, боль была нестерпимой.

Лица руководителей университета побагровели от ярости, приобретя цвет свиной печени.

— Хоу Гуанцзун, то, что вы сегодня натворили, — это совершенно возмутительно. Руководство приняло решение аннулировать ваш диплом.

Хоу Гуанцзуну хотелось плакать, но слез не было. Он указывал на свой рот, пытаясь всё объяснить, но, что бы он ни делал, он не мог произнести ни единого слова, которое не соответствовало бы правде.

Фан Минъи, которая ждала своего выступления за кулисами уже при полном макияже, тоже побледнела от шока из-за этого внезапного потрясения. Дергая Хоу Гуанцзуна за руку, она спросила:

— Гуанцзун, что с тобой такое? Зачем ты наговорил всё это у всех на глазах?

Да зачем ты-то тоже вопросы задаешь!!!!

*Стоит мне сейчас только услышать вопрос, и я обязан на него ответить, ты понимаешь или

нет?!*

Хоу Гуанцзун сжал руки Фан Минъи в надежде, что его влюбленный взгляд достаточно смягчит ее, и его слова не доведут девушку до белого каления.

Нежно глядя на нее, он произнес:

— А ты разве сама не знала? Разве ты не сошлась со мной только потому, что мой дядя может помочь тебе устроиться на телеканал?

Лицо Фан Минъи мгновенно изменилось:

— Что за чушь ты несешь?

На глаза Хоу Гуанцзуна навернулись слезы. Видит небо и земля, он действительно плакал, но слова, слетавшие с его губ, бесили еще больше:

— Я всё еще помню, как ты бегала за Юй Чжэнду первые два года. Ты сама прекрасно знаешь, сколько раз по собственной инициативе звала его на свидания.

В этот момент за кулисами всё еще находилось много людей, включая тех, кто должен был выступать вместе с Фан Минъи. Они все были с ней в довольно хороших отношениях и обычно то и дело называли ее «богиней». Услышав слова Хоу Гуанцзуна, все они были потрясены. Хотя никто и не стал обсуждать это вслух, они тут же начали обмениваться многозначительными взглядами.

Фан Минъи мгновенно запаниковала и влепила Хоу Гуанцзуну звонкую пощечину:

— Ты несешь бред! Я была с тобой искренне, а ты смеешь вот так клеветать на меня!

Держась за щеку, Хоу Гуанцзун разрыдался. Захлебываясь слезами и икая, он выдавил:

— Искренне была со мной? Я ухлестывал за тобой три года и ни разу не видел, чтобы твое сердце дрогнуло. За день до того, как ты узнала, кем на самом деле работает мой дядя, ты всё еще звала Юй Чжэнду в кино. Забыла, что ли?

Лицо Фан Минъи то зеленело, то белело. Она даже не смела посмотреть на лица окружающих. В конце концов, ей ничего не оставалось, кроме как топнуть ногой и выкрикнуть:

— Хоу Гуанцзун, мы расстаемся!

С этими словами она закрыла лицо руками и убежала.

И тут за кулисами пронесся легкий холодный ветерок. Хоу Гуанцзун внезапно снова почувствовал холод в горле, словно что-то прошло по его пищеводу и выскользнуло наружу.

Голова у него закружилась и помутнела. Затем он непонимающе огляделся по сторонам и растерянно спросил:

— А? Что происходит? Почему я за кулисами? Разве моя речь не должна была начаться?

Чиновники из Мира Людей, временно служившие Владыкой Ада или судьями, должны были выплюнуть железный шарик до рассвета и вернуться в свои собственные тела. А когда они после этого открывали глаза, они точно так же забывали всё, что происходило с ними этой

ночью.

Хоу Гуанцзун, в чьей голове царила полная каша, еще не успел осмыслить разворачивающуюся перед ним картину, как услышал душераздирающий вопль своей тети:

— Хоу Гуанцзун, маленький ублюдок, ты вывел своего дядю в топ поисковых запросов—

За пределами актового зала Шан Цзюэ раскрыл ладонь перед Юй Чжэнду. На ней покоился железный шарик размером с голубиное яйцо, мерцающий холодным, суровым светом:

— Тебе.

Глядя на эту железную горошину, Юй Чжэнду скривился от полнейшего отвращения:

— Эту штуку только что достали из желудка Хоу Гуанцзуна, да? Я ее не возьму!

Шан Цзюэ: «...»

Он невозмутимо отбросил железный шарик в сторону, а затем непонятно откуда достал влажную салфетку и принялся вытирать руки.

<http://bllate.org/book/18126/1751745>